

Новое знамя націоналистов¹⁾.

Конецъ прошлаго года ознаменовался новымъ лозунгомъ, новымъ знаменемъ, поднятымъ надъ російской Украиной: противъ полковъ „мазепинцевъ“, выслѣженныхъ или, лучше сказать, нарисованныхъ фантазією разныхъ спасителей російскаго отечества, выброшенъ штандартъ „богдановцевъ“ съ поясненіемъ, что никто въ такой степени, какъ эта спасительная команда, не удерживаетъ въ цѣлости російскаго отечества, которое давно бы развалилось при злодѣйскомъ попустительствѣ, оказываемомъ со стороны начальства вышеписаннымъ „мазепинцамъ“. Штандартъ этотъ, разумѣется, бутафорскій, склеенный изъ номеровъ „Кіевлянина“, и комментаріи къ нему точно такъ же бутафорскіе; но великое имя даже въ такой бутафорской обстановкѣ можетъ производить извѣстное впечатлѣніе, а потому нельзя оставить это обстоятельство безъ соотвѣтственнаго разъясненія.

Съ точки зрѣнія современныхъ опричниковъ, противопоставляющихъ имени „Богдана“ имя „Мазепы“, такое противопоставленіе имѣетъ свою историческую традицію. И російское правительство, укоряя украинцевъ въ „измѣнѣ“, до извѣстной степени противопоставляло „измѣннику Мазепѣ“ и всякимъ инымъ украинскимъ „измѣнникамъ“ славнаго гетмана, вѣрнаго и ничѣмъ съ російской официальной точки зрѣнія не запятнаннаго.*Петръ I въ своемъ извѣстномъ рескриптѣ, откладывая на неопредѣленное время избраніе украинскаго гетмана, аттестовалъ всѣхъ гетмановъ какъ измѣнниковъ, „кромѣ перваго—

1) Дѣйствующіе на югѣ русскіе націоналисты изъ украинцевъ, не довольствуясь измышленной ими нелѣпой кличкой „мазепинцевъ“, которую они примѣняютъ къ сторонникамъ украинской идеи, присвоили себѣ самимъ названіе „богдановцевъ“. По этому поводу проф. М. С. Грушевскій выступилъ въ „Литер.-Наук. Вістн.“ съ интереснымъ историко-публицистическимъ комментариемъ, который мы и приводимъ здѣсь въ извлеченіи, имѣя въ виду преимущественно нашихъ русскихъ читателей.

Богдана Хмельницкаго и послѣдняго — Скоропадскаго“. Однако эта аттестація выдана была славному Богдану „оплошно и не справясь съ дѣломъ“. Съ точки зрѣнія дѣйствительной исторической правды, если Мазепа не вполне заслуженно попалъ въ роль классическаго представителя украинскаго ирридентизма, то ужъ совсѣмъ абсурднымъ нужно признать противопоставленіе ему Богдана, какъ представителя московской лояльности.

Мазепа въ дѣйствительности вовсе не былъ представителемъ украинскаго автономизма. Въ нашей исторіи имѣются представители украинской государственной идеи, украинской самостоятельности и обособленности, гораздо рѣзче и сильнѣе выраженные. У Мазепы для такой роли не было ни трагической стойкости Дорошенка, ни безпредѣльной выносливости Орлика, и за свою продолжительную жизнь онъ прямо-таки не успѣлъ показать себя съ этой стороны. Что скрывалъ онъ въ тайникахъ своей души,—это осталось для насъ скрытымъ. Онъ плылъ по теченію московскаго централизма, на буксирѣ московской политики, и его рѣзкій разрывъ съ нею напоминаетъ скорѣе фортель Бруховецкаго, который, убѣдившись, насколько невыносимой сдѣлало на Украинѣ его личность прислужничество московскому централизму, также въ одну ночь „съ послѣдней ступени его царскаго величества“ превратился въ украинскаго измѣнника и автономиста.

Человѣкъ, безъ сомнѣнія, болѣе интеллигентный, политикъ болѣе тонкій, Мазепа не доходилъ до такихъ грубыхъ безтакностей, какъ Бруховецкій; но и онъ въ теченіе своего гетманства пріобрѣлъ крайнюю непопулярность,—можно даже сказать, ненависть народную,—какъ „московская душа“, какъ продажный московскій прислужникъ. Обстоятельства и давленіе ближайшей старшины, которая считала непростительнымъ грѣхомъ не использовать подходящій моментъ для освобожденія Украины, заставили Мазепу въ послѣднюю минуту превратить изъ царскаго слуги въ защитника украинской свободы „отъ московскаго тиранскаго ига“.

Однако этотъ поздній и вынужденный обстоятельствами переломъ едва ли бы спасъ репутацію Мазепы на Украинѣ: слишкомъ ужъ сильно онъ есбя скомпрометтировалъ въ глазахъ тогдашняго украинскаго общества своей политической безхарактерностью, своей податливостью тогдаш-

ней московской политикѣ. Но затѣмъ само же московское правительство сдѣлало изъ него трагическую фигуру, сваливъ на его голову всѣ грѣхи украинскаго міра, проклявши его страшными клятвами, какъ неслыханнаго злодѣя, второго Іуду, врага христіанства и православія — типичнаго представителя украинской „измѣны“, той измѣны, какою, молъ, постоянно компрометтировали себя украинцы, вслѣдствіе чего московское правительство признало себя свободнымъ отъ выполненія въ будущемъ всѣхъ обѣщаній и обязательствъ, которыя приняло на себя передъ Украиной.

Итакъ, какъ видимъ, „мазепинство“ для обозначенія ревнителѣй теперешняго „малороссійскаго отечества“, представляетъ собою названіе въ достаточной степени случайное. Съ исторической точки зрѣнія это названіе можно было бы принять лишь *cum maximo grano salis*.

Самое противопоставленіе Хмельницкаго и Мазепы въ качествѣ двухъ полюсовъ украинскихъ настроеній, кажется прямо-таки курьезнымъ. Какъ извѣстно всякому, болѣе или менѣе знакомому съ фактами украинской исторіи, Хмельницкій является не только ярко выраженнымъ автономистомъ, но, кромѣ того, сознательнымъ носителемъ идеи украинской государственности.

Столкновеніе съ первыми реальными проявленіями московскаго централизма необычайно взволновало его и направило въ сторону рѣшительной оппозиціи такой политикѣ: онъ сталъ уклоняться отъ совмѣстныхъ операцій съ московскими войсками, отговаривалъ украинскіе города въ Галиціи отъ подчиненія власти Москвы, во избѣжаніе притязаній на Западную Украину; рѣзко, „кабы измѣною“, отзывался о политикѣ московскаго правительства, въ кружкѣ же своихъ близкихъ и вѣрныхъ людей не таился съ самыми рѣзкими отзывами и настаивалъ передъ своею старшиною на разрывѣ съ Москвою, желая найти у другихъ помощь и покровительство. Извѣстно, также, что одними словами эти намѣренія не ограничились, и Хмельницкій, убѣдившись въ отрицательномъ отношеніи Москвы къ украинской автономіи, искалъ поддержки у другихъ государствъ и въ концѣ-концовъ остановился на идеѣ тѣснаго союза съ Швеціей. Кіевская археологическая комиссія недавно издала акты, которые съ достаточной обстоятельностью выясняютъ развитіе политики Хмельницкаго въ этой сферѣ. Изъ нихъ видно, какъ онъ пытался

свой союзъ съ Швеціей согласовать съ покровительствомъ Москвы; а когда въ дальнѣйшемъ, благодаря примиренію съ Польшей, политика Москвы стала въ полное противорѣчіе съ шведской политикой, стремившейся къ борьбѣ съ Польшей, Хмельницкій крѣпко держался своей связи съ Швеціей, готовый итти на разрывъ съ Москвою. Фактическое свое осуществленіе политика эта получила въ 1657 году въ формѣ совмѣстной кампаніи Украины, Швеціи и Семиграда противъ Польши. Подготовленный при жизни Хмельницкаго союзъ Украины съ Швеціей въ болѣе опредѣленныхъ контурахъ осуществился только послѣ его смерти.

Такимъ образомъ, политика Мазепы не была чѣмъ-то абсолютно новымъ—она только поднимала и вновь связывала нити прежней политики великаго гетмана. Въ запискахъ Орлика имѣются воспоминанія о томъ, какъ старшина, вспоминая о чести и славѣ Богдана, освободившаго Украину отъ Польши, вѣчными проклятіями грозила Мазепѣ, если онъ упуститъ моментъ, удобный для освобожденія Украины отъ Москвы.

Хартія выборовъ Орлика на гетманство, а также интересная декларация, найденная въ шведскихъ актахъ Н. В. Молчановскимъ, освѣщаютъ исторію разрыва мазепинцевъ съ Москвою, и союзъ со Швеціей признается вполне опредѣленно только возобновленіемъ союза Хмельницкаго съ дѣдомъ Карла XII. Мазепа „пошелъ по слѣдамъ своего предшественника, славной памяти пресвѣтлаго гетмана Богдана Хмельницкаго, который вмѣстѣ съ пресвѣтлымъ королемъ шведскимъ, тезоименнымъ его величества теперешняго короля дѣдомъ Карломъ X, за обоюднымъ согласіемъ, дѣйствовалъ способами, необходимыми для освобожденія своей родины отъ тяжелой тогдашней польской неволи и для этого получилъ отъ него желаемую помощь, въ достаточной степени годную, чтобы уничтожить поляковъ“.

И мы дѣйствительно можемъ вѣрить тому, что Мазепа съ своимъ кружкомъ, вступая въ союзъ съ Карломъ XII, считалъ себя совершенно искренно продолжателемъ Богдана, исполнителемъ историческаго завѣщанія великаго гетмана—освобожденія Украины и народа украинскаго.

Въ виду всего этого нужно признать вполне безуспѣшными стремленія противопоставить Богдана Хмельницкаго

„мазепинцамъ“ и сдѣлать его патрономъ новѣйшихъ спеціалистовъ по уничтоженію украинскаго сепаратизма.

Съ точки зрѣнія узкаго централизма и унитаризма, на которой стоялъ Петръ I, всѣ украинцы, не желавшіе стать въ противорѣчіе съ общими народными желаніями, должны считаться „измѣнниками“, ибо неизбѣженъ былъ для нихъ конфликтъ съ этимъ унитаризмомъ, который не хотѣлъ признавать „никакой розни и особаго нарѣчія“ не только въ украинской письменности, но и въ самой жизни. На этой почвѣ для однихъ возникали острые конфликты съ московской политикой, а другіе записывались въ „измѣнники“ благодаря тому, что осуждали московское правительство или не попадали ему въ тонъ, хотя собственно они не переставали быть искренними сторонниками государственной связи Москвы съ Украиною. Но изъ-за этой связи ни они, ни все украинское общество, ни весь народъ украинскій не желали отказываться отъ своей національной фізіономіи, отъ исторически сложившихся особенностей мѣстной жизни, отъ права и возможности ихъ свободнаго развитія.

„Родъ сицевъ, иже свободы хочеть“,—такъ характеризовалъ украинское общество вѣрнѣйшій приверженецъ Москвы архіепископъ Лазарь Барановичъ и искренно уговаривалъ московское правительство не препятствовать стремленіямъ украинцевъ къ автономіи. Однако московское правительство не хотѣло ослабить свои централистическія тенденціи, украинское же общество также не хотѣло укладываться на прокрустовомъ ложѣ московской политики и попадало въ „измѣнники“. Такая политика проводилась безъ всякой нужды, даже съ точки зрѣнія чисто политическихъ интересовъ Московскаго государства. Однако совершенно логичной она становилась съ точки зрѣнія крайняго великорусскаго или такъ-называемаго „общерусскаго“ націонализма, для котораго „не было, нѣтъ и не быть не можетъ“ никакихъ украинскихъ особенностей,—одинаково, будетъ ли это область политики, или сфера культурная, литературная или бытовая.

Отношенія XVI вѣка здѣсь буквально соотвѣтствуютъ отношеніямъ XX-го. Если теперешнее украинство разсматривать съ точки зрѣнія государственной, которая заботится объ единствѣ, а совѣмъ не объ единообразіи, стремится къ твердой, прочной и искренней государственной

связи, а не къ поверхностному уподобленію, то само собой понятно, что національныя стремленія украинцевъ могутъ вполне совмѣщаться съ программой такой истинной государственности, и задача государственныхъ руководителей должна заключаться въ томъ, чтобы не стѣснять излишней регламентаціей свободы національнаго развитія украинской или иной негосударственной народности. Такая политика не давала бы чувствовать разлада между національными интересами и государственной организаціей. Ревнители своей національной жизни могутъ быть и будутъ въ такомъ случаѣ хорошими патріотами общаго государства, несомнѣнными гражданами перваго ранга.

Если же подмѣнивать интересы государства интересами великорусскаго націонализма и видѣть въ культурно-просвѣтительныхъ начинаніяхъ украинцевъ или иной негосударственной народности стремленія, противныя „государственной задачѣ“, какъ писалъ покойный Столыпинъ въ извѣстномъ рапортѣ сенату, тогда вполне допустимо, что въ число враговъ такой плохо понятой государственности или, говоря стилемъ XVII вѣка, въ „измѣнники“ попадаютъ всѣ сочувствующіе культурно-просвѣтительному развитію національной жизни.

Наша задача состояла въ томъ, чтобы выяснить или напомнить, что всякое давленіе на украинство, всякая борьба съ такъ-называемымъ украинскимъ сепаратизмомъ или съ „мазепинствомъ“, въ дѣйствительности же съ національнымъ украинскимъ движеніемъ, совершенно неосновательно прикрываютъ себя именемъ или традиціей гетмана Богдана.

Не годится это имя ни для официальныхъ поборниковъ російскаго націонализма, ни для нашихъ домашнихъ малоросійскихъ ренегатовъ. Тѣнь великаго гетмана не имѣетъ ничего общаго ни съ правительственными стѣсненіями украинской жизни, ни съ этимъ ренегатскимъ прислужничествомъ.

Мих. Грушевскій.
